

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Крымский роман
Актриса на главную роль
Белоснежный роман
Коллекция бывших мужей
Озерные страсти
Вальс до востребования

Матьяна
Алюшина

Вальс
до востребования

Роман

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Редактор серии *Е. Харламова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
© gowithstock, Mironov Vladimir / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Вальс до востребования : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-121249-0

Легко ли поменять свою жизнь? Нет, не переехать в другую страну, в другой город, в другую квартиру, не найти новую работу или заменить новым мужем-женой близкого человека, и не прическу другую забабахать, и не тачку новую купить. А переменить глобально, осознанно сделав свой выбор, когда все прежнее — под откос, безвозвратно. Когда становишься другим, совсем другим человеком — иной личностью, с иной духовной и жизненной наполненностью, иными базовыми ценностями, иными устремлениями.

Вот так, наотмашь, поменять все в жизни, ни секунды не жалея о своем выборе. Такое под силу лишь очень редким и очень сильным людям. Таким, как Ян Стаховский, переживший страшную трагедию и вышедший из нее победителем, человеком, изменившим свою жизнь и свою личность.

И казалось бы, все оставил в прошлом, но одна случайная встреча с женщиной с удивительным именем Марианна, словно возникшей из этого прошлого, снова меняет жизнь Яна, наполняя ее новыми, невероятными чувствами и красками.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121249-0

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Свечение заполонило собой все вокруг и было столь интенсивным, столь ослепительно ярким, что, казалось, поглотило, растворило в своем сиянии пространство, время, запахи, звуки, саму материальность как таковую, оставив Яну лишь способность ясно, четко мыслить и испытывать-переживать в разы усилившиеся, мощные эмоции и чувства.

Это чудесное, нереальное сияние не слепило, не вызывало страха или болезненных, неприятных ощущений своей небывалой, какой-то неземной насыщенностью — нет, наоборот, от него исходило и накрывало, обволакивая, ощущение чего-то бесконечно теплого, успокаивающего, искристо-радостного, сродни переполняющему чувству восторженного абсолютного счастья, которое своим еще незамутненным сознанием могут испытывать только дети. И что-то еще, что-то еще... давно позабытое, утраченное, но такое родное, такое потрясающе правильное, истинное изливалось на него от этого удивительного свечения.

Вдруг в самом центре светового потока, словно из какого-то дрожащего зыбкого марева, стали проявляться неясные очертания некой смутной фигуры, будто от чего-то огромного, непостижимого и всеобъемлющего отделилась малая толика, обозначившись чуть более плотным, размытым контуром. Фигура не

стояла на месте, а плавно приближалась, и чем ближе придвигалась она к Яну, тем отчетливей проявлялись детали ее облика, и он смог рассмотреть, что это зрелый, благообразный, скорее даже величественный мужчина в свободном светлом одеянии до пят с длинными рукавами.

Но, даже оказавшись рядом, он все так же оставался словно в тени — нечеткая, чуть подрагивающая контурами в мареве сияния фигура и неуловимые, размытые черты лица. И лишь удивительные пронзительно-голубые, глубокие, непостижимо мудрые глаза и столь же мудрая, немного печальная улыбка мужчины были видны настолько четко и ясно, что, казалось, этот взгляд и эта улыбка проникают в само сознание...

— Не меняют жизнь наполовину, Ян, — раздался у него в голове тихий, наполненный легкой иронией, светлым сопереживанием и великой мудростью голос. — Ты же не лечишь половину болезни или полраны только потому, что всю сразу исцелять страшно.

— У меня нет страха, — возразил Ян.

— Да, — согласился наставник, улыбаясь бесконечно доброй, понимающей и чуть ироничной улыбкой, — теперь в тебе нет страха смерти, страха боли, страха потери материального. Ты преодолел эти страхи, принял и постиг конечность всего земного и сумел подняться над болью. Осталось преодолеть страх перед жизнью.

И внезапно он приблизился, в один миг, неуловимым рывком. Заглянул в глаза — казалось, в само сознание, в память, в разум, в самую глубину истинной сущности Яна, — и все тем же нечеловечески мудрым, печально-ироничным голосом произнес:

— Жить страшней, чем не жить. Ты принял смерть, прими и жизнь. Пора, Ян. Пора начинать жить.

— Но я же живу, — напомнил Ян, поразившись нелогичности утверждения.

— Да? — усмехнулся наставник.

И все, что являлось в этот момент, в этом странном пространстве, Яном, — его личность, его разум, сознание, его сущность — вдруг затопило ярко-голубым светом, струившимся из глаз высшей сущности учителя...

— А-ах-х-х-х... — выдохнул непроизвольное восклицание, выскочив из сна, Ян, как хрипит тонущий, на пределе последних сил, вырывающийся на поверхность воды из морских пучин.

Резко, рывком сел на постели, втянул с шипением воздух, выдохнул и поделился с миром яркими впечатлениями, все еще находясь в быстро тускнеющем, по-немногу отпускающем голубом свечении:

— Охренеть!

Покрутил головой, стараясь отделаться от странного сновидения, передернул плечами, с силой потер ладонями лицо, прогоняя остатки морока, прижал пальцами веки и повторил, подрастеряв первичную экспрессию:

— Охренеть.

Приснится же такое! Впрочем...

Он не столько удивлялся яркому, мощному по ощущениям, необычному сну, сколько поразился тому, с чего бы ему вообще привиделось и приснилось нечто подобное? Да еще настолько явственно, с невероятно четким ощущением полного присутствия и погружения в ту сновидческую реальность. Нет, бывали у него, конечно, разные сны, как и у каждого человека, но таких вот видений он как-то не наблюдал и не переживал ранее, если не считать...

Но то самое мы как раз считать не будем. Это история отдельная.

Хрен его знает, что такое, может, к перемене погоды? Сделав это успокаивающе-простое предположение, Ян посмотрел в окно. За окном, ничем не удивив и не порадовав, наблюдался все тот же тоскливый, безрадостный пейзаж поздней осени, навевающий ассоциации о бесприютной, стылой жизни, о холодеющих пальцах и насморочном ознобе, о собаках, которых добрый хозяин в эту промозглость ни в жизнь не выгонит на улицу.

Депрессивное межсезонье, которое, как говорится, ни два ни полтора: яркая осень отшумела, отблестав рыжей гривой, малиновыми губами, багряными нарядами в рябиновых бусах, а дивная зима со снегами и морозами подзадержалась. Время, в которое русскому человеку по чести пристало бы сидеть у камина или печки и предаваться философским размышлениям о смысле жизни и бытия, в частности бытия российского народа, его вкладе в историю человечества и истинном пути развития, и о том, каково это — телепаться-то народу по тому самому пути, когда такая вот погода превалирует во всей его жизни.

— М-м-м-да, — с тем самым философским сарказмом прокомментировал свои настроения Ян, поделившись с пространством недоумением: — Признится же...

Ладно. Что приснилось, то приснилось, к перемене ли погоды, или еще неизвестно к чему, или вообще ни к чему — бог с ним. Он отодвинул от себя утихающие эмоции, окончательно освобождаясь от сонных переживаний.

— М-м-м, — промурлыкал заспанный голосок рядом. — Ты чего подскочил? — не очень-то нуждаясь

в ответе, просто так, спросонок ленясь, спросила ночная подруга.

— Хм, — хмыкнул довольно Ян.

Откинул край одеяла, с удовольствием обозрел аппетитную, кругленькую девичью попку.

«Значит, говоришь, пора жить? — продолжил он мысленно диалог со светящимся фантомом из своего сна, оппонируя тому: — А я что, по-твоему, делаю? Живу, да по полной!»

И, в подтверждение своему заявлению, от ощущения той самой наполненности и правильности жизни с удовольствием, но легонько хлопнул по упругим ягодицам подружки.

— Ой, ты чего? — делано игриво возмутилась та.

И, повернувшись на бочок, подперев голову рукой, посмотрела со значением и явным приглашением, предоставляя его взору прекрасную грудь, гладенький животик и маленький темный треугольничек фигурно выбритых волос на лобке, «в прическе», как, посмеиваясь, называл этот парикмахерский изыск Ян.

— Пора вставать, — усмехнулся Стаховский.

С особым эстетским чувством окинул взглядом сию красоту, размышляя, не воспользоваться ли открытым предложением-призывом дамы, но вспомнил о недоделанной срочной работе, от которой, кстати сказать, она его вчера оторвала своим внезапным появлением. Заснули они только под утро, отчего, видимо, и привиделся ему этот странный сон. И, не удержавшись от разочарованного вздоха, Ян подавил желание в зародыше, не поддавшись искушению, лишь наклонился и поцеловал коротко в капризно надутые губки подружки, по выражению его лица уже понявшей, что утренних любовных утех не предвидится. И повторил распоряжение:

— Подъем. Позавтракай сама, а потом Михаил тебя отвезет.

— Как обычно, — вздохнула девушка, преувеличенно наигранно изображая недовольство.

— Как обычно, — подтвердил Ян.

И, ухватившись за металлический стержень турника над кроватью, «потарзанил» в сторону ванной комнаты, ловко цепляясь за перекладины, устроенные по этому маршруту, по ходу подтягиваясь по несколько раз и делая легкие упражнения на некоторых из снарядов.

Самый верный способ справиться со странным настроением, навеянным непонятым сном, еще до конца не отпустившим, — заняться привычными делами. Утренние гигиенические процедуры, два часа спорта, силовых нагрузок и тренировок, контрастный душ, завтрак и работа.

Какие сны, я вас умоляю!

Живем! Даже если у кого-то на этот счет имеется и другое мнение.

Что-то отвлекло его внимание, какой-то непонятный не то звук, не то шорох за спиной. Недовольно нахмурившись, Ян тряхнул головой, постаравшись отделаться от этого мимолетного ощущения, и вернулся к вычитке документа на экране монитора.

Но назойливая, неугомонная мыслишка, зацепившая край сознания, навязчиво напоминала о непонятном, еле уловимом шорохе, как предательски вылезший из подошвы гвоздь в ботинке терзает несчастную пятку. Понимая, что хрен он отделается от глупого беспокойства, раз обратил внимание на необъяснимую странность, раздосадованный Ян резко развернул кресло и...

И откровенно офигел, увидев маленького человечка.

Совсем маленький человек, одетый в яркий спортивный теплый комбинезон и курточку, дутые короткие сапожки и рыжую шапку с помпоном, сильно съехавшую набок под таким критическим углом, что готова была вот-вот и вовсе свалиться с головы. Сложив ладони замочком у груди, он стоял метрах в трех от Яна и молча смотрел на него тревожным, напряженным взглядом.

— Ага... — от неожиданности произнес Ян.

И только сейчас сообразил, что это всего лишь ребенок. Мальчик. Незнакомый ему ребенок мужского пола, появившийся столь тихо и неожиданно, словно в его доме случился акт некоей материализации, перенесший парнишку из какой-то иной реальности. Ну, не совсем тихо, какой-то звук он все-таки произвел, раз его уловило и отметило сознание Яна, отвлекаясь от работы. Но, видимо, совсем тихий звук.

— Ты кто? — спросил он у мальчика.

— Кирилл, — представился ребенок.

— И как ты здесь оказался, Кирилл? — спросил хозяин дома у нежданного гостя.

— Бармалея ловлю, — махнув неопределенно ручонкой в сторону, ответил тот с таким видом, словно объяснил нечто совершенно очевидное и понятное всем и каждому.

— У меня дома? — подивился Ян.

— Ага, — интенсивно кивнул парень, подтверждая догадку хозяина, — потому что он здесь.

— Угу, — принял информацию Стаховский, — бармалея, значит. А бабайку вместе с ним не ловишь?

— Не, — рассмеялся мальчуган, — бабаек не ловят, ими детей пугают. Но я не боюсь, потому что я уже большой ребенок, меня вообще никогда бабайкой не пугали. Это старая глупость.

— Понятно, — кивнул, соглашаясь, Ян, ничего не поняв из данного объяснения, — значит, бабайка — это у нас глупость не актуальная, устаревшая, а бармалей — это глупость современная. Молодая. Так, что ли?

Пацан звонко, заливисто и задорно расхохотался, откинув голову назад, отчего его накренившаяся шапка слетела окончательно, упав на пол.

— Нет, — покрутил мальчишка усердно-отрицательно головой, даже не подумав поднимать свой головной убор, — бабайка — это просто так говорят. А Бармалей — это наш кот. — И принялся объяснять, помогая себе активной жестикуляцией: — Калитка была совсем чуть-чуть открыта, и Бармалей в нее шастнул и убежал, а я побежал его догонять. Звал, звал, но он меня не слушал и бежал, бежал, улепетывал прямо по дороге. А тут ваши ворота открыты, и он в них раз — и юркнул. Я его почти схватил, — размахивая ручонками, присел он на корточки, изображая, как почти поймал кота-беглеца. — А он вырвался и в дом скакнул.

Мальчик взял шапку, типа: ну, раз уж я тут присел, то можно и шапку прихватить, поднялся с корточек и махнул рукой куда-то себе за спину.

— Там дверь тоже открыта. — И свел ладошки, помогая себе мимикой, показал, насколько была открыта дверь: — На маленькую щелочку, но Бармалей протиснулся, а я за ним.

— Тоже протиснулся? — спросил Стаховский.

— Не, — снова звонко рассмеялся пацан, — прошел, Бармалей, когда пролезал, дверь открыл.

Так. Ну теперь понятно, как ребенок проник в дом. Михаил повез Веронику в Москву, а в это время курьер доставил продукты, заказанные Стаховским. Он от-

крыл калитку и дверь в дом с дистанционного пульта, принял заказ, а уходя, тот, по всей видимости, двери не захлопнул, а лишь прикрыл за собой.

Способ материализации ребенка в доме выяснили. Теперь бы выявить, стреножить и удалить причину этого самого появления. Не в конечном смысле «удалить», в более гуманном — всего лишь изловить котятру, вернуть хозяину и выдворить.

— Ну так позови своего Бармалея, — предложил самый логичный и простой вариант обнаружения животного Ян.

— Не-а, — покрутил головой мальчик, — он не придет. — И добавил после паузы, старательно выговаривая: — Проигнорирует.

— Непослушный? — уточнил Стаховский, начиная тихо посмеиваться.

— Свободолюбивый, — с небольшой запинкой, но достаточно твердо произнес еще одно непростое, явно специально заученное слово пацан и дополнил характеристику животного: — Мама говорит, что он слишком высокого о себе мнения, чтобы подчиняться кому-то. — И, тяжело вздохнув от безнадежности, оповестил: — Придется ловить.

— Ну, охотник из меня нынче неважный, — предупредил Ян, — разве только комара сытого прибить.

— Потому что у вас нет ног? — спросил ребенок, указав ручонкой на пустую подножку инвалидного кресла-каталки, в котором сидел хозяин дома.

— Точно. Это ты верно заметил, — подтвердил Стаховский.

— А куда они делись? — с большим интересом расспрашивал мальчик.

— Сломались, — попытался обойтись простым, коротким объяснением Ян.

— Надо было их починить, — порекомендовал ребенок, сочувственно вздохнув.

— Ты когда-нибудь ломал игрушки так, что их потом никак нельзя было выправить и починить? — спросил Ян.

— Случалось, — не очень охотно, но честно признался мальчонка. — Тогда игрушки приходилось выбрасывать.

— Вот и мои ноги сломались так, что их невозможно было починить.

— И вы их выбросили? — уставившись на мужчину расширившимися от потрясения глазешками, перепуганным шепотом спросил пацан, видимо красочно представив себе момент утилизации испорченных конечностей.

— Не то чтобы выбросил, но отрезать их пришлось, — поспешил Стаховский хоть как-то нивелировать произведенное несколькими жесткими жизненными откровениями негативное впечатление на ребенка.

— Хорошо, что не выбросили, — подумав, поделился размышлениями на эту тему мальчонка, — потом, может, и починят.

— Может, и починят, — согласился Ян и быстренько сменил тему беседы: — Так. Давай по делу, Кирилл. Если ваш Бармалей на зов приходит не торопится и вообще не чешется слушать чьи бы то ни было приказы и команды, а поймать его непросто, тогда, может, стоит попробовать его приманить? — И поинтересовался: — Что он у вас любит?

— Корм для кошек и консерву Шеву, — старательно вспоминая, принялся перечислять пацан, загибая пальчики, мгновенно позабыв о безнадежно сломанных и выброшенных куда-то ногах соседа, — докторскую

колбаску из «хозяйства Власова», свежую говяжью печенку... — Задумался на пару мгновений и, явно вспомнив еще нечто важное из жизни кота Бармалея, обрадованно добавил пункт четвертый: — И соседскую кошку Клеопатру.

— Гурман, эстет и охочий до женского полу котяра, значит. Ну что, все знакомо, — хмыкнул Стаховский и предложил: — Что ж, за неимением соблазнительной Клеопатры и кошачьей консервы премиум-класса, прибегнем к тому, что имеем в наличии. Так что, Кирилл, двигаем в кухню, посмотрим, что у нас есть на предмет приманивания кошачьих.

— Двигаем, — с энтузиазмом согласился мальчик.

Обследовав содержимое холодильника и посоветовавшись, они пришли к единому мнению, что кусок парной телятины, которую вот только что доставил вместе с остальными продуктами курьер, позабывший закрыть за собой дверь в дом и калитку, будет прекрасным соблазнением-приманкой для кота Бармалея.

Отрезать большой шмат мяса, как предлагал щедрый мальчик Кирилл, Стаховский не согласился, резонно рассудив, что для охотничьей приманки вполне хватит и небольшого кусочка. Ну, ладно, пары-тройки небольших кусочков.

Телятину нарезали, выложили на одноразовую тарелку, нашедшуюся в хозяйстве Стаховского, категорически отказавшегося потчевать вломившегося в его дом соседского кота со своей фарфоровой посуды.

Тарелку с приманкой поставили на пол в кухне, и мальчик Кирилл приступил к зазыванию животного:

— Кис-кис-кис... — звал он, опустившись рядом с кошачьим лакомством на коленки. — Бармалейчик,